

АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XX–XXI СТОЛЕТИЙ ASPECTS OF MUSICAL CULTURE OF THE TWENTIETH–TWENTY-FIRST CENTURIES

УДК 78.05

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_37

Е. Е. ТАРАСЕВИЧ

Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки

МУЗЫКОТЕРАПИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Со времен Античности музыкальное искусство не только выполняет ряд общественных функций – эстетическую, этическую, дидактическую, но и активно используется врачами и клиническими психологами в качестве основного или дополнительного средства лечения психических и психофизических заболеваний. Автором статьи предпринимается опыт последовательного (в опоре на немногочисленные сохранившиеся литературные первоисточники и имеющиеся данные об этнографических экспедициях) освещения путей распространения, развития и трансформации идеи целебного воздействия музыкального искусства на человеческий организм. Целью исследования является изучение исторического пути развития музыкальной терапии в проекции на ее современное состояние. Особое внимание уделяется представлениям о применении музыки в медицине Древней Греции, Рима, Индии и Китая – наиболее ранних цивилизаций, заложивших основы для возникновения последующих музыкально-терапевтических методов, в том числе созданных российскими специалистами.

Исследователь отмечает, что первоначальные представления о «музыкальном врачевании» как средстве исцеления души и очищения нравов принадлежат ко времени появления ранних трактатов европейских и арабских мыслителей Античности и Средневековья. К 1800–1840-м гг. относятся сведения об апробации музыкальных средств профессиональными медиками в психиатрических больницах России, Франции и других стран Европы, что явилось закономерным развитием идей, изложенных в первых научных работах того же периода. Начиная с 1890-х гг., аксиоматичность лечебного воздействия музыки подтверждается исследованиями отечественных ученых – физиологов И. М. Догеля, И. Р. Тарханова, И. М. Сеченова и других. К середине XX столетия слушание музыки и элементарная музыкальная импровизация были включены в перечень методов, успешно применяемых в смежных областях (коррекционной педагогике, реабилитации, психологии, курортологии и других), что позволило расширить сферу практического применения соответствующей терапии.

Ключевые слова: лечебные свойства музыки, древние учения о «музыкальном врачевании», детская реабилитация, современные методы музыкальной терапии.

Для цитирования: Тарасевич Е. Е. Музыкотерапия: история и современность // Южно-Российский музыкальный альманах. 2024. № 3. С. 37–46.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_37

E. TARASEVICH

M. Glinka Novosibirsk State Conservatory

MUSIC THERAPY: HISTORY AND MODERNITY

Since Antiquity, the art of music has played an important role in human life. It not only performs a number of social functions – aesthetic, ethical, didactic, but is also actively used by doctors and clinical psychologists as the main or additional means of treating mental and psychophysical diseases. The author

of the article makes an attempt to consistently, relying on the few surviving literary sources and available data on ethnographic expeditions, to trace the ways of dissemination, development and transformation of the idea of the healing effects of musical art on the human body. The purpose of the study, therefore, is to study the historical path of development of music therapy in relation to its current state.

As a result of the analysis of scientific articles, books and monographs by researchers in various fields of scientific knowledge, it was possible to conclude that the initial ideas about “musical healing”, as a means of healing the soul and purifying morals, belong to the time of the appearance of early treatises of Western European and Arab thinkers Antiquity and the Middle Ages. By the 1800–1840s refers to the testing of musical instruments by medical professionals in psychiatric hospitals, mainly in the Russia, France and a number of other European countries, which was a natural development of the ideas set out in the first scientific works of the same period. Since the 1890s the axiomatic nature of the therapeutic effects of music is confirmed by evidence-based scientific research by the Russian scientists, physiologists I. Dogel, I. Tarkhanov, I. Sechenov and others. Only by the middle of the last century, listening to music and elementary musical improvisation became part of a number of methods successfully used in related fields – correctional pedagogy, habilitation, psychology, balneology and others, thereby expanding the scope of their practical application.

Keywords: healing properties of music, ancient theories of “musical healing”, habilitation of children, modern methods of music therapy.

For citation: Tarasevich E. *Music therapy: history and modernity*. In: *South-Russian Musical Anthology*. 2024. No. 3. Pp. 37–46.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_37

Опыт применения средств музыкального искусства с лечебными целями в некоторых регионах мира насчитывает более двух тысяч лет. При этом отношение врачей, философов, музыкальных теоретиков к этому виду воздействия на разум и тело человека неоднократно изменялось: от раннего интуитивного доверия к восстановительным свойствам сильнейшего немедикаментозного вида лечения, через ироническое восприятие и отрицание, в связи с недостаточностью доказательной базы, – к научным дискуссиям и исследованиям последних лет, подтверждающим положительную динамику указанного лечения многих болезней с позиций физиологии и психологии.

Считается, что корни возникновения современной музыкотерапии уходят к древним племенным традициям. Музыкальные звуки, гортанные возгласы, вокальное интонирование, сопровождаемые ритмичным дыханием, элементами танца и жестикуляцией, использовались шаманами и целителями в прикладных целях и были неотъемлемой частью многих церемониальных ритуалов. Британский этномузиколог Джон Блэкинг (1928–1990), изучавший музыкальную культуру народов Южной Африки, пришел к выводу о том, что музыка – «...не второстепенный атрибут, использующийся в качестве аксессуара для украшения человеческого общества или роскошного времяпрепровождения, но неотъемлемая часть всех общественных процессов», в том числе целительных [1, р. 54]. Музыкальная культура Африки, Южной Америки, Юго-Западной Азии и других регионов мира, с

точки зрения особенностей восприятия музыки и степени ее влияния на человека, стала предметом исследований немецкого философа и психолога Карла Штумпфа (1848–1936). Изучая соответствующие эволюционные процессы, К. Штумпф прослушал «...более 30 тысяч восковых валиков с музыкальными записями (различных первобытных племен. – Е. Т.) со всего света», хранившихся в Берлинском этнологическом музее и Берлинском фонограммариуме [цит. по: 2, с. 61].

Особое значение шаманской песни сохранялось и в более поздней культуре коренных народов Сибири и Дальнего Востока, современные представления о которой во многом основываются на этнографических памятниках конца XIX – первой половины XX вв. Вокальное интонирование (нередко в сопровождении шаманского бубна) являлось неотъемлемым атрибутом успешного камлания, в том числе с целью выявления и устранения причин болезни.

Большую ценность представляют наблюдения, которые были получены в ходе этнографических экспедиций, совершенных учеными в отдаленные уголки нашей планеты вплоть до начала XXI века. Эти наблюдения подтверждают особое воздействие на организм человека одного из древнейших ударных инструментов – барабана. Среди всего музыкального инструментария, используемого в терапии, барабаны оказывают наиболее сильное воздействие путем синхронизации ритмов сердечных сокращений и дыхания. Монотонные гулкие удары по натянутой мембране эффективно использовались в качестве источника врачебной помощи, о чем свиде-

тельствует американский музыкотерапевт Дон Кэмпбелл (1947–2012). Наблюдая обряд инициации в отдаленной деревне на острове Бали в одной из индонезийских экспедиций 1971 г., исследователь был поражен архаичностью этого действия – под аккомпанемент барабанов и трещоток звучало песнопение «...с мощными ритмами, гортанными криками мужчин, перемежающимися сладкими лирическими мелодиями женской половины деревни <...> простые плавные движения женщин <...> с быстрыми резкими движениями мужчин» [3, с. 209].

Таким образом, несмотря на отсутствие явных преемственных связей между ритуалом врачевания шаманов (в тех регионах, где он существовал) и практикой музыкальной терапии, современные музыкотерапевтические техники, методы и способы оказываются связанными с культурой эпохи шаманизма своей духовной и практической направленностью.

Непосредственную связь музыкального искусства с тысячелетней историей народной медицины подтверждают отдельные артефакты: археологические и этнографические находки, сохранившиеся тексты великих письменных культур. Впрочем, и эти немногочисленные свидетельства в полной мере позволяют оценить высокую степень значимости музыки в процессе лечения и достигавшийся под ее воздействием положительный эффект.

Практика лечения музыкальным звуком в Древней Индии восходит к священным ведическим писаниям – наиболее ранним памятникам индийской литературы. Известно, что чудесным свойствам лечебной ритуальной музыки посвящено собрание текстов древнего индоарийского религиозно-культового канона, именуемое «Самaveda» («Веда песнопений»). Индийские целители, как и китайские мудрецы, владели тайными знаниями об особом искусстве врачевания музыкой, которое к V веку сформировалось в концепцию раги – мелодической импровизации, осуществляемой в фиксированных границах лада посредством заданных ритмических рисунков. Раги, нараспев читаемые во время проведения лечебных ритуалов, возвращали человеческому организму состояние гармонии. «Индийская музыка позволяет тренировать ум и душу <...>, – пишет Р. Керимов, профессор Факультета изящных искусств турецкого Университета Эрджиес. – Испокон веков здесь музыке отводится сакральная роль совершенствования духа, с помощью музыки, особенно медитативной, можно вознести душу над рамками обыденной жизни, достигнуть очищения и возвышения человеческого духа» [4, с. 61].

Несколько тысячелетий насчитывают традиции целительного музыкального воздействия на

тело и дух в Китае. В одном из наиболее ранних сохранившихся трактатов по традиционной китайской медицине «Хуанди нэй цзин» («Классика внутренней медицины Желтого императора»), в разделе «Су вэнь», сказано, что пять музыкальных тонов «...органически связаны с пятью органами человека (селезенка, легкие, печень, сердце и почки) и соответственно воздействуют на них» [5, с. 177]. Пять ступеней пентатоники считались в Древнем Китае небесным явлением, способным не только воспитывать, но и восстанавливать психофизическую целостность организма. Не случайно в традиционной китайской письменности древний иероглиф «лекарство» (藥) произошел от иероглифа, обозначающего понятие «музыка» (樂). С научной точки зрения, терапия при помощи пяти музыкальных звуков осуществляется благодаря резонансу совпадающих вибраций звуковых волн и физиологических вибраций тела в процессе вокализации¹.

В античной культуре заслуга философского осмысления катартического – нравственного и практико-медицинского – значения музыкального искусства принадлежит древнегреческому философу Пифагору (ок. 570–490 гг. до н. э.). В трактате Ямвлиха «О Пифагоровой жизни» отмечается, что «<...> музыка очень благотворно действует на здоровье, если заниматься ею подобающим образом. <...> Этот вид очищения он [Пифагор] называл “лечением музыкой”. <...> Были случаи, когда они [пифагорейцы] излечивали чувства и некоторые болезни, как говорят, настоящим пением» [6, с. 75–77]. Одному из элементов музыки, ритму как первооснове всех жизненных проявлений, уделяется особое внимание в учении Пифагора об эвритмии. Повсеместно выявляя правильные ритмы – не только в исполнении музыкального произведения, но и в мыслях, чувствах, поступках, – античный человек приобщался к жизни своего города, улавливал музыкально-числовые закономерности Космоса. Интересно, что истоком пифагорова строя, по мнению В. Е. Еремеева, наряду с учениями Древнего Египта и Вавилона, вероятно, являлась музыкально-акустическая теория Древнего Китая: «Пифагоров строй, как и китайская пентатоника, основан на квинтах, и квинтовый ход в нем начинается с меси, которая соответствует у китайцев гуну, также являющемуся отправным в построении звукоряда» [цит. по: 7, с. 199].

Вслед за Пифагором, идею взаимосвязи музыкального искусства и врачевания в своих учениях развивали пифагорейцы, а также древнегреческие философы Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.) и Демокрит (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.). Применению «строгой музыки» взамен «музыки

наслаждения» в процессе воспитания достойного гражданина отдавал предпочтение Платон (427–347 гг. до н. э.). По мнению философа, ухудшение нравов посредством «распущенных ладов» и темпераментных ритмов способствовало нравственному упадку, что, в свою очередь, неизменно приводило к различным физическим заболеваниям [цит. по: 8, с. 38]. Рассуждения Пифагора и Платона о воздействии на внутренний мир человека средствами музыкального искусства получили развитие в теории мимесиса Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Немало свидетельств, подтверждающих случаи исцеления души и тела средствами музыкотерапии, содержат и другие античные источники, в том числе трактаты раннехристианского философа Боэция (ок. 480 – ок. 525 гг. н. э.), многочисленные греческие предания. Целительный потенциал музыки в Древнем Риме признавали государственный деятель Гай Гракх (153–121 гг. до н. э.) и врач Гален (129–216 гг. н. э.).

Уже в античную эпоху ученые и философы постепенно осознают значимость индивидуального подхода в сфере применения средств музыкального искусства и их воздействия на психическое и физическое здоровье человека. Среди общих музыкально-медицинских тенденций времени А. Л. Готсдинер выделяет суждения Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.), который «...требовал применять индивидуальный подход к лечению, так как был убежден, что не всякая музыка может быть рекомендована каждому больному» [9, с. 167]. Показательны в этой связи и возражения древнегреческого врача Сорана Эфесского (98–138 гг. н. э.) «против единообразного лечения музыкой душевнобольных» [Там же].

В период раннего Средневековья функция музыкального искусства в европейской медицине преобразуется. Музыка становится исключительным средством «морально-религиозного воспитания» [10, с. 170]. Лидирующие позиции античных мыслителей в сфере применения средств музыкотерапии наследует центральноазиатская наука стран арабского Востока, Средней Азии, Ирана. Так, попытку теоретического обоснования огромного целительного ресурса музыки в «Большом трактате о музыке» предпринял арабский философ Аль-Фараби (870–950 гг.).

В полной мере учитывая достижения своих арабских предшественников и следуя традициям Античности, оригинальную методологию с применением средств музыкального искусства создал персидский врач, ученый-энциклопедист Абу Али ибн Сина (латинизированное имя – Авиценна, 980–1037 гг.). «Музыка понималась им как средство искоренения человеческих пороков

и даже как своеобразное лекарство, избавляющее от некоторых болезней. Пение считалось хорошим средством укрепления здоровья» [11, с. 104]. Высказывания о принципах воздействия музыки на организм, о ее роли в жизни человека Абу Али ибн Сина включил и в созданную им энциклопедию «Канон врачебной науки» (1025), тем самым подводя итог развития греческой, римской, индийской и среднеазиатской музыкально-терапевтической мысли Древности.

Вслед за древнегреческим врачом Герофилом (ок. 335 – ок. 280 гг. до н. э.), внимание философов и естествоиспытателей в эпоху Средневековья неизменно привлекает связь музыки и учения о пульсе. Так, в трактате «Opus tertium» английского мыслителя Роджера Бэкона (ок. 1214–1294) подчеркивается, что «биение пульса через равные интервалы подобно музыке». Излагая представленную в трудах Галена, Кассиодора (ок. 487 – ок. 578), Алкуина (ок. 735–804) концепцию о необходимом для врача владении теорией музыки, Р. Бэкон настоятельно рекомендует всем медикам не пренебрегать знаниями о музыкальных пропорциях [12, с. 9].

Философская рефлексия красоты и прекрасного, выраженного в музыке, живописи, архитектуре, природном ландшафте, получила развитие в поздних трудах («Мишне Тора», «Путеводитель растерянных») средневекового еврейского философа, ученого Моисея Маймонида (1135–1204). Будучи практикующим врачом, Маймонид отмечал благотворное воздействие музыкального искусства на поведение и психофизическое состояние человека, осознавая терапевтический потенциал красоты в целом. Согласно утверждению Маймонида, «наиболее важной задачей эстетического созерцания является восстановление физического здоровья, которое, в свою очередь, представлялось ему условием ясного мышления» [13, с. 45].

Возобновление интереса европейских ученых к музыкотерапии относится к эпохе Ренессанса, что, прежде всего, связано с развитием новых, свободных от средневековой схоластики научных методов исследования природных явлений. Так, музыку в качестве анестезирующего средства во время хирургических операций и акушерской помощи впервые применил французский врач Амбруаз Парэ (1510–1590). К этому времени относятся и описания уникальных феноменов – психических эпидемий. Одной из наиболее масштабных явилась эпидемическая волна «пляски Святого Витта», охватившая Западную Европу. Как пишет Л. С. Брусиловский, городские хронисты свидетельствовали о том, что массовые психозы и приступы маниакального ужаса затухали, когда «встречали на сво-

ем пути мобилизованных музыкантов, игравших медленную успокаивающую музыку» [14, с. 275]. Полагаем, подобные случаи косвенно подтверждают возрождение интереса европейского общества к средствам музыкотерапии, указывают на ее возможности и масштабы.

Новая волна научных теорий, касающихся лечебных свойств музыки, их применения в медицинской практике и перекликавшихся с теорией аффектов (которая произросла из античной теории музыкального этоса), прокатилась по Европе XVII века. Любопытные наблюдения о силе воздействия музыкального искусства содержатся в трудах по эстетике Марена Мерсенна (1588–1648), Рене Декарта (1596–1650), Атаназия Кирхера (1601–1680). В книге «Магика», одной из десяти книг энциклопедии «*Musurgia Universalis*», А. Кирхер раскрывает медицинские свойства музыки, связывая их с особенностями темперамента человека, и подмечает, что «меланхолики любят серьезную, не прерывающуюся грустную гармонию. Сангвиники <...> привлекаются танцевальным стилем. К таким же гармоническим движениям стремятся и холерики, у которых танцы приводят к сильному вскипанию желчи <...>. Флегматиков трогают тонкие женские голоса...» [цит. по: 15, с. 195]. Оздоровляющее воздействие пения, танца и игры на музыкальном инструменте ученый-энциклопедист находит в соответствии идее гармонии мира – посредничестве между высшей гармонией макрокосма и гармонией человеческого микрокосма, гармонии души и тела.

Однако, в связи с переходом от сложившихся на закате Античности геоцентрических представлений о Вселенной к гелиоцентрическим, постепенно интерес ученых к сфере музыкотерапии угас. Применение музыкально-терапевтических методов в широкой медицинской практике европейскими врачами, появление новых научных теорий прекратилось. Музыкотерапия, еще не имевшая достаточных научных обоснований, постепенно была забыта почти на целое столетие, вплоть до конца XVIII века.

Продолжателем общеевропейской традиции музыкотерапии явились США, где в 1789 г. была опубликована первая работа о терапевтическом эффекте музыки – статья неизвестного автора «*Music Physically Considered*» («Музыка, рассматриваемая физически») в журнале «*Columbian Magazine*». Ссылаясь на свидетельства местных докторов, аноним описывал случай лечения музыкой «тяжелой и изнурительной депрессии [некоего] учителя танцев» [16, pp. 21–22]. В начале 1800-х гг. сведения о терапевтической ценности музыки появились в двух медицинских трудах. Во «Вступительном обзоре

о влиянии музыки на лечение болезней» (1804) американский врач Эдвин Этли стремился показать, «какое колоссальное влияние музыка оказывает на мозг, а следовательно, и на тело» [17, с. 133]. Двумя годами позднее была издана диссертация его коллеги Сэмюэля Мэтьюза «О влиянии музыки на лечение и паллиативную медицинскую помощь» («*On the effects of music in curing and palliating diseases*»). Более поздние случаи упоминания лечебных свойств музыкального искусства в американской печати связаны с серией статей «Терапевтические силы музыки» («*Medical powers of music*»), опубликованных в 1840–1841 гг. Однако эти работы ограничивались довольно неясными сведениями о ранее описанных историях, не предоставляя специалистам достаточных научных доказательств.

Вместе с тем, «жестокий звуковой мир Великой Французской революции, – как пишет доцент Индианского университета Джилиан Роджерс, – активизировал желание французских врачей и ученых изучить негативные и положительные воздействия звука» [18, p. 103]. Терапевтическими свойствами приятной музыки и, напротив, негативным влиянием оглушительно громких разрывов бомб и выстрелов, их сильными вибрациями на рубеже XVIII–XIX вв. интересовались врачи Марк-Антуан Пети, Этьен Сент-Мари, Жан-Шарль Десессарц. На наш взгляд, указанные сведения подтверждают гипотезу о происходившей в то время в научном мировом сообществе полемике на тему многогранных, но мало изученных возможностей музыкальных и шумовых звуков, их воздействия на организм и нервную систему человека.

Настоящим прорывом в музыкотерапии того времени стали эксперименты французского психиатра Жана-Этьена-Доминика Эскироля (1772–1840). Один из основоположников научной психиатрии, Ж.-Э. Эскироль, будучи ординатором респектабельной парижской психиатрической клиники, по своему усмотрению привлекал к общепринятому процессу лечения душевнобольных группу музыкантов. Психиатр понимал музыку как «...“моральное лечение”, оказывающее нервам “легкое потрясение”, способное успокоить и расслабить» [18, с. 104]. В результате подобного музыкально-терапевтического лечения буйных пациентов заметно снижалась их эмоциональная напряженность, улучшались коммуникативные навыки прежде нелюдимых больных.

В качестве «средства отвлечения» в психиатрических больницах музыку использовали российские терапевты и психиатры П. А. Бутковский (1801–1844), И. Е. Дядьковский (1784–1841), П. П. Малиновский (1818–1868) и другие.

«Довольно хорошим средством, в котором психически больной может проявить некоторую самостоятельность и талантливость», называл музыку один из основоположников московской научной школы психиатрии С. С. Корсаков (1854–1900) [14, с. 276].

К концу XIX века накопленные знания и эмпирический опыт, главным образом, западно-европейских, арабских и североамериканских ученых в сфере музыкальной терапии получили естественное продолжение в экспериментально-физиологических исследованиях отечественных ученых. Так, стимулирующее действие музыкальных раздражителей на пульс и частоту дыхательных движений, в зависимости от применяемых средств музыкальной выразительности, отмечали врачи-физиологи И. М. Догель (1830–1916), И. Р. Тарханов (1846–1908), И. М. Сеченов (1829–1905). Например, в работе И. М. Догеля «Влияние музыки на человека и животных» (1888) констатировалось положительное воздействие маршевой музыки на мышечную активность. Благодаря трудам этих знаменитых ученых, а в дальнейшем – и психоневролога В. М. Бехтерева (1857–1927), получила развитие специальная область физиологии, связанная с изучением влияния различных видов музыкальной терапии на органы и системы человеческого организма. С именем В. М. Бехтерева, по инициативе которого в 1913 г. в России было основано Общество для выяснения лечебно-воспитательного значения музыки и гигиены, связан следующий этап развития отечественной музыкальной терапии. Идеи о лечебном воздействии музыки на личность психически больных и больных неврозами также были высказаны пионерами российского психоаналитического движения В. А. Гиляровским (1876–1959) и Ю. В. Каннабихом (1872–1939). Последний, в частности, утверждал, что именно занятия искусством позволяют достичь наиболее сильного психотерапевтического эффекта.

Однако прогресс стремительно развивающейся отечественной музыкотерапии был приостановлен, по нашему мнению, переориентацией советского государства на передовые достижения в области медицинской фармакологии и биологической терапии. В дальнейшем исследования воздействия музыкального искусства на человека проводились по большей части в рамках общей психологии, лечение и реабилитация музыкальными средствами осуществлялись преимущественно в комплексе культурно-досуговых мероприятий.

Таким образом, лидирующие позиции в области изучения лечебных свойств музыки, их научного осмысления на протяжении освещае-

мого периода принадлежали медицине. Представители музыковедения, педагогики, психологии и других наук обратились к теоретическому обоснованию соответствующего метода лишь во второй половине XX в.

Центры развития перемещаются на Запад, где, независимо друг от друга, зарождаются американская и шведская музыкально-терапевтические школы. Устойчивый интерес к сфере музыкотерапии в США в первую очередь подтверждается поочередным образованием нескольких музыкально-терапевтических ассоциаций, начиная с 1900-х гг.²

Однако по-настоящему широкое признание терапевтическое использование музыки получило в Северной Америке после Второй мировой войны. В 1944 г. в Мичиганском университете впервые была разработана академическая программа обучения по музыкальной терапии, впоследствии адаптированная десятками других колледжей и университетов по всей стране. Среди них фигурировали Канзасский университет, Чикагский музыкальный колледж, Тихоокеанский колледж и др. С целью разработки стандартов образовательной и клинической подготовки на университетском уровне, формирования подзаконных актов, в 1950 г. в Нью-Йорке была учреждена Национальная ассоциация музыкальной терапии (NAMT). К 1960-м гг. относится появление всемирно известной музыкально-терапевтической методики Пола Нордоффа и Клайва Роббинса для детей с психофизическими недостатками и нарушениями в развитии. Начиная с 1998 г., на территории США действует Американская ассоциация музыкальной терапии (AMTA). Сегодня возможность получения высшего образования по специальности «музыкальная терапия» (на уровне бакалавриата или магистратуры) существует почти во всех американских штатах, порой – в нескольких вузах.

Развитие музыкальной терапии в Швеции, прежде всего, связывают с именем Алекса Понтвика (1909–1979). Его работы о целебном воздействии классической музыки (главным образом, сочинений И. С. Баха) на человеческий организм, опубликованные в 1940-е гг., стали отправной точкой в становлении шведской музыкальной терапии. Позднее, на основании его концепции психорезонанса (проникновения музыки в глубинные пласты человеческого сознания) и под впечатлением от результатов, полученных в ходе работы с методикой Нордоффа – Роббинса, а также их просветительской деятельности на территории Швеции, в 1974 г. на территории страны создается самостоятельная Шведская ассоциация музыкальной терапии (SFM). В 1981 г. в столичном Королевском

колледже музыки были открыты первые специализированные курсы по музыкальной терапии.

К 1980-м гг. вновь заметно повысился интерес российских ученых к сфере музыкотерапии. Обращаясь к известным опытам и научным трудам зарубежных коллег, наши соотечественники – энтузиасты в области музыкотерапии – предпринимали попытки адаптировать полученный опыт с учетом российских реалий того времени, привнося в устоявшиеся методики иностранных коллег собственные идеи. Так, китайская методика вокалотерапии получила развитие в исследованиях доктора медицинских наук, профессора С. В. Шушарджана и его учениц – Н. И. Ереминой и Т. Н. Филаретовой. Древнеиндийское учение о семи чакрах, отвечающих за поддержание здоровья определенных человеческих органов, нашло отражение в энергоинформационной музыкотерапии психотерапевта Р. Э. Блаво. Древнерусские традиции лечения колокольным звоном были воплощены в колоколотерапии композитора и звонаря В. М. Петровского. Авторами современных новаторских музыкально-терапевтических методов являются: инженер-электроник Б. Н. Анисимов и инженер-физик А. Н. Кузнецов (метод музыкально-резонансной терапии), доктор педагогических наук В. И. Петрушин (музыкально-рациональная психотерапия), кандидат медицинских наук В. М. Элькин (методика цветовой диагностики и музыкотерапии), кандидат психологических наук О. А. Лучинина (личностно-ориентированная музыкальная психокоррекция).

Новой для отечественных музыкотерапевтов и чрезвычайно актуальной сферой применения средств и методов музыкальной терапии, начиная с 1990-х гг., стала детская абилитация. Успешно применяемая музыкантами, коррекционными педагогами, психологами, социальными работниками в абилитационной работе с больными детьми, музыкотерапия способствует их социализации и адаптации к окружающей среде, устраняя одну из сложнейших проблем в процессе реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), а именно трудность с коммуникацией. В этой связи любопытен тот факт, что авторские методы, применяемые в сфере абилитации средствами музыкального искусства и ориентуемые непосредственно на работу с детской аудиторией, принадлежат представителям музыкальных профессий. В качестве примера

назовем кантелетерапию композитора и мультиинструменталиста С. Я. Стангрита. Кантелетерапия, основанная на пении и игре на карело-финском народном инструменте – кантеле, в настоящее время является ведущим методом абилитации, который реализуется центром музыкальной терапии («Стангрит-центром») в Петрозаводске. Кроме того, отметим авторскую методику новосибирского композитора, виолончелиста и педагога-новатора А. И. Бороздина (1937–2021), требующую обстоятельного и всестороннего осмысления. Под его руководством, начиная с 1991 г., в новосибирском Академгородке функционировал (и ныне действует) Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями, созданный в помощь детям с ОВЗ и их родителям [19]. Следует полагать, что именно такие музыканты, бесконечно преданные музыкальной педагогике и наполненные искренней любовью к детям, могут посвящать себя подобной сложнейшей стезе.

Факты, подтверждающие многовековой союз высшего из искусств – музыки – и медицины, начиная со времен Античности и до наших дней, позволяют осознать масштаб и глубину их исторически сложившихся взаимоотношений. Во многих странах мира применение музыкального искусства в сфере лечения и коррекции психофизических нарушений человеческого организма, претерпевая разнообразные идейно-содержательные трансформации, увенчалось формированием самостоятельного метода музыкотерапии.

Во второй половине XX столетия в Китае, странах Европы и Северной Америки были разработаны национальные стандарты качества, на основе которых музыкальная терапия получила официальное признание. Параллельно с указанными процессами, музыкотерапия интенсивно развивалась и в исследованиях целой плеяды выдающихся российских ученых. Начиная с последней четверти минувшего века и вплоть до настоящего времени, в нашей стране совершаются новаторские научные открытия в сфере музыкального врачевания, разрабатываются авторские музыкально-терапевтические методы, средства и техники. Это, несомненно, представляет теоретический и практический интерес для музыковедов, музыкальных терапевтов, специалистов, принадлежащих к смежным областям научного знания, а также всех наших соотечественников, неравнодушных к проблемам музыкальной терапии.

•————— ПРИМЕЧАНИЯ —————•

¹ Несмотря на тысячелетнюю историю, музыкотерапия как отдельная дисциплина зародилась в Китае значительно позднее, в 1980–1990-х гг. За этот период в стране было проведено большое количество

исследований, касающихся специфических теорий и методов китайской музыкотерапии [5, с. 179]. Сравнительно недавно в китайском обиходе появился и сам термин «медицинская музыкальная терапия» (Chinese Medicine Music Therapy). В настоящее время музыкальная терапия в Китае по-прежнему требует тщательного изучения в плане клинической практики, а также углубленной разработки общей теории, что значительно ограничивает качество и объем предлагаемых музыкально-терапевтических услуг.

² К ним относятся: Национальное общество музыкальной терапии (1903); Национальная ассоциация музыки (1926); Национальный фонд музыкальной терапии (1941). Несмотря на то, что перечисленные ассоциации выпускали журналы, книги и организовывали образовательные курсы по музыкальной терапии, к сожалению, эта деятельность не привела к созданию упорядоченной музыкально-терапевтической системы и закреплению новой клинической профессии на государственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Blacking J.* How musical is Man? Seattle–London: Washington University Press, 1973. 119 p.
2. *Бреан А., Скейе Г. У.* Музыка и мозг: Как музыка влияет на эмоции, здоровье и интеллект. М.: Альпина Паблишер, 2024. 316 с.
3. *Кэмпбелл Д.* Музыка для здоровья: Эффект Моцарта. Минск: Попурри, 2010. 416 с.
4. *Керимов Р.* Рага как ключевая концепция музыкального мышления в индийской классической музыке // *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi*. 2018. № 1. С. 51–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 02.06.2024).
5. *Ян Аожань.* Становление музыкотерапии на Востоке и Западе в исторической перспективе // *Вестник музыкальной науки*. 2022. Т. 10. № 4. С. 175–182.
6. *Ямвлих.* О Пифагоровой жизни. М.: Алетея, 2002. 192 с.
7. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. 1087 с.*
8. *Петрушин В. И.* Музыкальная терапия. Новые рубежи: От терапии к коучингу. Интегральный подход. М.: Городец, 2019. 512 с.
9. *Готсдинер А. Л.* Музыкальная психология. М.: Магистр, 1993. 193 с.
10. *Апанасенко Г. Л., Савельева-Кулик Н. А.* Музыкальная терапия: история, современность и перспективы развития // *Украинская медицинская летопись*. 2012. № 4. С. 170–173.
11. *Иванова Л. А.* Ибн Сина (Авиценна) в зеркале музыки. Некоторые музыкально-теоретические взгляды Ибн Сины. Воззрения Ибн Сины в области музыкальной теории // *Вестник ЧелГУ*. 2007. № 23. С. 100–105.
12. *Ноймайр А.* Музыка и медицина: Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт. М.: Классика-XXI, 2022. 312 с.
13. *Раевская Н. Ю.* Эстетика Маймонида: терапевтический взгляд на ценность красоты // *Medicine and health care organization*. 2019. Т. 4. № 2. С. 45–52.
14. *Брусиловский Л. С.* Музыкотерапия // *Руководство по психотерапии* / под ред. В. Е. Рожнова. Изд. 3-е, доп. и перераб. Ташкент: Медицина, 1985. 719 с.
15. *Шестаков В. П.* От этоса к аффекту: История музыкальной эстетики от античности до XVIII века: исследование. М.: Музыка, 1975. 352 с.
16. *Chu-En Lin.* A Comparison of Music as a Therapy Before and After the 20th Century in America // *Quill & Scope*. 2011. Vol. 4. Issue 1. Pp. 21–27.
17. *Бахтин В. В.* Роль музыкотерапии в музыкальной педагогике // *Человек творческий: философия, психология и социология творчества: Международная междисциплинарная коллективная монография* / сост. и ред. М. Ле Шансо, И. Э. Соколовская. М.: Энциклопедист-Максимум, 2021. С. 130–140.
18. *Rogers J. C.* Resonant Recoveries: French Music and Trauma Between the World Wars. New York: Oxford University Press, 2021. 364 p.
19. *Дубровская М. Ю., Тарасевич Е. Е.* Новосибирский музыкант А. И. Бороздин и его детский оздоровительно-образовательный центр в системе отечественной абилитационной педагогики // *Вестник музыкальной науки*. 2023. Т. 11. № 2. С. 190–198.

REFERENCES

1. *Blacking J.* How musical is Man? Seattle–London: Washington University Press, 1973. 119 p.
2. *Brean A., Skeye G. U.* Muzyka i mozg: Kak muzyka vliyaet na emotsii, zdorov'e i intellekt [Music and The Brain: About the magical power of music and its fantastic effect on the brain]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2024. 316 p.

3. *Campbell D.* Muzyka dlya zdorov'ya: Effekt Motsarta [The Mozart Effect Tapping the Power of Music to Heal the Body, Strengthen the Mind, and Unlock the Creative Spirit]. Minsk: Popurri, 2010. 416 p.
4. *Kerimov R.* Raga kak klyuchevaya kontseptsiya muzykal'nogo myshleniya v indiyской классической музыке [Raga as a key concept of musical thinking in the Indian classical music]. In: Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi. 2018. No. 1. Pp. 51–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (date of application: 02.06.2024).
5. *Yan Aozhan'.* Stanovlenie muzykoterapii na Vostoke i Zapade v istoricheskoy perspektive [Formation of music therapy in the East and West in historical perspective]. In: Vestnik muzykal'noy nauki [Journal of Music Research]. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 175–182.
6. *Yamvlikh.* O Pifagorovoy zhizni [About Pythagorean Life]. Moscow: Aleteya, 2002. 192 p.
7. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China]: encyclopedia: in 5 vol. Ed.-in-chief M. Titarenko. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. Vol. 5: Sciences, technical and military thought, healthcare and education. 1087 p.
8. *Petrushin V.* Muzykal'naya terapiya. Novye rubezhi: Ot terapii k kouchingy. Integral'nyj podkhod [Music therapy. New frontiers: From therapy to coaching. The integral approach]. Moscow: Gorodets Publishing House, 2019. 512 p.
9. *Gotsdiner A.* Muzykal'naya psikhologiya [Music psychology]. Moscow: Master, 1993. 193 p.
10. *Apanasenko G., Savel'eva-Kulyk N.* Muzykal'naya terapiya: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya [Music therapy: past, present and prospects of the development]. In: Ukrainskaya meditsinskaya letopis' [Ukrainian Medicine Annals]. 2012. No. 4. Pp. 170–173.
11. *Ivanova L.* Ibn Sina (Avitsenna) v zerkale muzyki. Nekotorye muzykal'no-teoreticheskie vzglyady Ibn Siny. Vozzreniya Ibn Siny v oblasti muzykal'noy teorii [Ibn Sina (Avitsenna) in the mirror of music. Some musical-theoretical views of Ibn Sina. His views in the field of musical theories]. In: Vestnik ChelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2007. No. 23. Pp. 100–105.
12. *Noymayr A.* Muzyka i meditsina: Gaydn, Motsart, Betkhoven, Shubert [Music and Medicine: Haydn, Mozart, Beethoven, Schubert – Notes on Their Lives, Works, and Medical Histories]. Moscow: Klassika-XXI, 2022. 312 p.
13. *Raevskaya N.* Estetika Maymonida: terapevticheskiy vzglyad na tsennost' krasoty [Maimonid aesthetics: therapeutic view on beauty value]. In: Medicine and health care organization. 2019. Vol. 4. No. 2. Pp. 45–52.
14. *Brusilovskiy L.* Muzykoterapiya [Music therapy]. In: Rukovodstvo po psikhoterapii [Psychotherapy Manual]. Ed. by V. Rozhnov. The 3rd rev. and enlarg. ed. Tashkent: Medicine, 1985. 719 p.
15. *Shestakov V.* Ot etosa k affektu: Istoriya muzykal'noy estetiki ot antichnosti do XVIII veka: issledovanie [From ethos to affect: History of musical aesthetics from antiquity to the 18th century: research work]. Moscow: Muzyka, 1975. 352 p.
16. *Chu-En Lin.* A Comparison of Music as a Therapy Before and After the 20th Century in America. In: Quill & Scope. 2011. No. 4. Issue 1. Pp. 21–27.
17. *Bakhtin V.* Rol' muzykoterapii v muzykal'noy pedagogike [The role of music therapy in music pedagogy]. In: Chelovek tvorcheskoy: filosofiya, psikhologiya i sotsiologiya tvorchestva: Mezhdunarodnaya mezhdistsiplinarnaya kollektivnaya monografiya [A Creative Person: philosophy, psychology and sociology of creative activity; International interdisciplinary collective monograph]. Comp. and ed. by M. Le Shanso, I. Sokolovskaya. Moscow: Entsiklopedist-maximum, 2021. Pp. 130–140.
18. *Rogers J. C.* Resonant Recoveries: French Music and Trauma Between the World Wars. New York: Oxford University Press, 2021. 364 p.
19. *Dubrovskaya M., Tarasevich E.* Novosibirskiy muzykant A. I. Borozdin i ego detskiy ozdorovitel'no-obrazovatel'nyy tsentr v sisteme otechestvennoy abilitatsionnoy pedagogiki [Novosibirsk musician A. Borozdin and his children's health and educational centre in the system of Russian habilitation pedagogy]. In: Vestnik muzykal'noy nauki [Journal of Music Research]. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 190–198.

Тарасевич Елена Евгеньевна

аспирант кафедры музыкального образования и просвещения
Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки
Россия, 630099, Новосибирск
tarasevichelena96@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-0129-1206

Elena E. Tarasevich

Postgraduate student at the Department of Music Education and Enlightenment
M. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Russia, 630099, Novosibirsk
tarasevichelena96@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-0129-1206